

Милль Джон Стюарт

О свободе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон Стюарт М.**
О свободе / Милль Джон Стюарт – М.: Книга по Требованию, 2022. – 240 с.

ISBN 978-5-519-96537-8

ISBN 978-5-519-96537-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Введеніе.

Предметомъ предлагаемаго трактата служить не такъ называемая свобода воли, столь неудачно противопоставляемая ошибочно именуемой доктринѣ философской необходимости, а свобода гражданская или социальная, т. е. свойства и предѣлы той власти, силою которой общество полноправно управляетъ отдѣльными индивидами. Этотъ вопросъ хотя затрогивался лишь весьма рѣдко и въ общемъ почти не изслѣдованъ, тѣмъ не менѣе, однако, своимъ едва замѣтнымъ участіемъ весьма сильно повліялъ на практическое рѣшеніе спорныхъ вопросовъ нашего времени и по важности своего значенія все болѣе и болѣе становится жизненнымъ вопросомъ будущаго. Вопросъ этотъ не новъ; можно сказать даже, что онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ уже съ самыхъ отдаленныхъ временъ посѣялъ несогласія среди людей; но при той степени прогресса, какой достигла въ настоящее время наиболѣе цивилизованная часть общества, этотъ вопросъ представляется уже при иныхъ условіяхъ и требуетъ совершенно особаго и болѣе основательнаго обсужденія.

Борьба свободы съ властью является отличительною чертой той отдаленной отъ насъ эпохи исторіи человѣчества, съ которой намъ приходится прежде всего знакомиться, въ особенности же исторіи Греціи,

Рима и Англіи. Но въ древнія времена борьба велась преимущественно между подданными или, вѣрнѣе, нѣкоторыми классами подданныхъ и правительствомъ. Свобода понималась тогда какъ защита противъ тираниіи государственныхъ властелиновъ. На властелиновъ смотрѣли (за исключеніемъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ правителей Греціи) какъ на людей, занимающихъ, въ силу неизбѣжно сложившихся обстоятельствъ, положеніе враговъ управляемаго ими народа. Власть находилась въ рукахъ одного правителя или въ рукахъ цѣлаго поколѣнія или касты правителей, облеченныхъ властью или въ силу правъ наслѣдія или же въ силу своихъ завоевательныхъ правъ; во всякомъ случаѣ, эти властелины занимали свое положеніе не по волѣ управляемаго ими народа и хотя подданные не оспаривали ихъ права на главенство отчасти изъ чувства страха, отчасти изъ нежеланія перемѣны, но считали необходимымъ принимать мѣры для защиты себя отъ злоупотребленій этой власти. Власть правителей признавалась необходимою, но вмѣстѣ съ тѣмъ способною возбуждать крайнія опасенія; она признавалась оружіемъ, которое властелины могли по своему желанію употреблять противъ своихъ подчиненныхъ съ не меньшимъ правомъ какъ и противъ внѣшнихъ враговъ. Съ цѣлью же защитить слабыхъ членовъ общества отъ всякихъ хищническихъ козней признавалось необходимымъ, чтобы во главѣ обществъ находился одинъ хищникъ, настолько сильный и полновластный, чтобы могъ держать въ страхѣ и повиновеніи всѣхъ остальныхъ хищниковъ. Но такъ какъ и самъ царь этихъ хищниковъ могъ бы оказаться не менѣе ихъ склоннымъ напасть на свое же собственное стадо, то

признавалось необходимымъ держаться постоянно въ оборонительномъ положеніи противъ его страшнаго клюва и его когтей. Поэтому истинные патріоты постоянно стремились ограничить власть властелиновъ надъ своими подданными и это стремленіе къ ограниченію власти они называли свободой. Они пытались добиться этой свободы двумя путями. Во-первыхъ, признаніемъ нѣкоторыхъ неприкосновенныхъ установленій, извѣстныхъ подъ названіемъ политическихъ правъ или льготъ, нарушеніе которыхъ со стороны властителя считалось нарушеніемъ его обязанностей правителя, такъ что въ случаѣ такого нарушенія извѣстное противодѣйствіе ему или всеобщее возстаніе противъ его власти признавались вполне законными. Второе средство къ ограниченію власти правителей, введенное уже въ позднѣйшія времена, заключалось въ установленіи конституціонныхъ постановленій, которыми требовалось, чтобы выполненіе наиболѣе важныхъ государственныхъ дѣлъ правящею властью могло совершаться не иначе какъ съ согласія общины или какого-либо учрежденія, являвшагося представителемъ интересовъ этой общины. Первому изъ указанныхъ способовъ ограниченія власти должны были болѣе или менѣе подчиняться властители большинства европейскихъ государствъ. Но со вторымъ средствомъ ограниченія власти дѣло обстоило иначе и введеніе этого средства или расширеніе предѣловъ его тамъ, гдѣ оно уже было въ извѣстной мѣрѣ установлено, всегда служило главною задачей всѣхъ истинныхъ поборниковъ свободы. Пока человѣчество довольствовалось тѣмъ, чтобы обуздывать покушенія однихъ своихъ враговъ помощью другихъ враговъ и соглашалось быть управляемымъ од-

нимъ властелиномъ при условіи, что оно будетъ болѣе или менѣе ограждено отъ его тираніи, человѣчество и не шло въ своихъ стремленіяхъ дальше этой цѣли.

Наступило, однако, время, когда человѣчество, двигаясь впередъ по пути прогресса, пришло къ сознанію, что нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы ихъ властелины обладали независимою властью, интересы которой были бы противоположны интересамъ ихъ подданныхъ. Люди признали болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы представители различныхъ государственныхъ учреждений являлись ихъ уполномоченными или избранниками народа, которые, по его же усмотрѣнію, могли бы быть имъ же и устраняемы. Люди полагали, что единственно только благодаря этому способу управленія государствомъ они могли быть вполне увѣрены въ томъ, что представители власти не будутъ злоупотреблять своею властью въ ущербъ интересамъ народа. Постепенно это вновь возникшее притязаніе имѣть избранныхъ и временныхъ правителей сдѣлалось главною цѣлью, къ которой стремились народныя партіи, гдѣ таковыя существовали, и эта цѣль въ значительной степени заслонила собой прежнія усилія народа ограничить власть правителей. По мѣрѣ того, какъ усиливалась борьба за установленіе власти правителей, которые бы избирались периодически управляемымъ народомъ, нѣкоторые члены общества стали склоняться къ мнѣнію, что ограниченію власти правителей придавали раньше слишкомъ много значенія. Ограниченіе это (какъ казалось) могло дѣйствительно служить средствомъ противодѣйствія такимъ правителямъ, интересы которыхъ были противоположны интересамъ народа. При вновь возникшемъ взглядѣ казалось необходимымъ только то, чтобы правители, такъ

сказать, сливались съ народомъ, чтобы интересы и желанія правителей были-бы тождественны съ интересами и желаніями народа. Народъ при этихъ условіяхъ уже не нуждался въ охранѣ отъ своихъ же избранныхъ. Не было надобности опасаться, что народъ сдѣлается своимъ же собственнымъ притѣснителемъ. Казалось, что если правители будутъ дѣйствительно отвѣтственны передъ народомъ, что если народу будетъ дано право немедля смѣнять правителей, тогда народъ будетъ въ состояніи ввѣрять правителямъ такую власть, предѣлы которой будутъ опредѣляться самимъ же народомъ. Въ такомъ случаѣ власть правителей окажется въ сущности властью самого же народа, сосредоточенною въ одномъ лицѣ и облеченною въ форму, наиболѣе пригодную для примѣненія на дѣлѣ. Такое мнѣніе или, можетъ быть, правильнѣе, сознаніе преобладало среди позднѣйшаго поколѣнія европейскихъ либераловъ и кажется и до сихъ поръ является преобладающимъ на европейскомъ континентѣ. Тѣ люди, которые допускаютъ ограниченіе власти правительствъ—исключая такіа правительства, которымъ, по ихъ мнѣнію, вовсе не слѣдовало бы существовать—являются блестящими исключеніями среди политическихъ мыслителей континента. Подобный взглядъ на это дѣло преобладалъ бы, по всей вѣроятности, въ настоящее время также и въ Англіи, если бы оставались въ неизмѣнности условія, которыя въ теченіи нѣкотораго времени благопріятствовали этому возрѣнію.

Въ политическихъ и философскихъ теоріяхъ, однако, какъ и въ частныхъ дѣлахъ отдѣльныхъ личностей, достигнутый успѣхъ въ извѣстномъ дѣлѣ раскрываетъ иногда такіа ошибки или промахи, которыя при неудачѣ оставались бы совершенно скрытыми отъ на-

блюдения. Мнѣніе, что народу будто бы нѣтъ надобности ограничивать власть правителей, избранныхъ имъ, же самимъ, могло бы считаться неопровержимой истиной только въ то время, когда народное правленіе было недостигаемой мечтой или пока о немъ читали въ книгахъ какъ о чемъ то, существовавшемъ въ давно уже прошедшія времена. Этотъ взглядъ не былъ даже окончательно поколебленъ временными уклоненіями, какъ, напр., французской революціей, крайнія мѣры которой исходили отъ небольшого числа узурпаторовъ и произошли не вслѣдствіе установившихся народныхъ постановленій, а были лишь внезапной и судорожной вспышкой, направленной противъ монархическаго деспотизма и деспотизма аристократіи. Между тѣмъ демократическая республиканская форма правленія стала уже распространяться въ большей части земнаго шара и проявила себя какъ одна изъ наиболѣе могущественныхъ изъ числа всѣхъ существующихъ въ различныхъ націяхъ формъ правленія. Выборная и отвѣтственная форма правленія стала вмѣстѣ съ тѣмъ предметомъ обсужденій и критики; къ ней стали относиться какъ къ осуществившемуся факту. Тогда пробудилось сознаніе, что такія выраженія какъ: „Самоуправленіе“ и „Народное самоуправленіе“ не выражаютъ истиннаго положенія дѣла. „Народъ“, на которомъ лежатъ обязанности отправленія власти, не всегда составляетъ одно цѣлое съ тѣмъ народомъ, на котораго простирается власть, и что такъ называемое „Самоуправленіе“ не означаетъ права cadaго лица управлять своею собственною личностью, а право cadaго лица управлять всѣми остальными членами общества. Народная воля, кромѣ того, представляетъ собой въ

дѣйствительности только волю болѣе многочисленной или болѣе дѣятельной *части* народа, волю большинства или волю такихъ людей, которымъ удастся заставить признать себя за большинство. Народная власть можетъ, слѣдовательно, быть направлена къ угнетенію известной части своихъ же сочленовъ; поэтому предупредительныя мѣры такъ же точно необходимы противъ власти народа, какъ необходимы и противъ злоупотребленій всякой другой власти. Ограниченіе правительственной власти по отношенію къ единичнымъ личностямъ, слѣдовательно, нисколько не утрачиваетъ своего значенія когда власть имущіе, т. е. наиболѣе могущественная партія, несутъ передъ обществомъ опредѣленную отвѣтственность за свои дѣйствія. Подобное воззрѣніе встрѣтило многочисленныхъ приверженцевъ какъ среди мыслителей, такъ и среди тѣхъ вліятельныхъ классовъ европейскаго общества, дѣйствительные или мнимые интересы которыхъ противоположны интересамъ демократіи, и въ политическихъ взглядахъ „тиранія большинства“ относится вообще къ числу такихъ золъ, которыхъ общество должно остерегаться.

Было время, когда тиранія большинства, какъ и всякая другая тиранія, возбуждала сильныя опасенія, которыя еще и по сіе время раздѣляются многими не свѣдущими людьми главнымъ образомъ потому, что эта тиранія проявляется черезъ посредство образа дѣйствій государственной власти. Мыслящіе люди замѣтили, однако, что когда само общество, общество въ цѣломъ своемъ составѣ, является тираномъ надъ отдѣльными личностями, изъ которыхъ состоитъ общество, то средства тираніи не ограничиваются только тѣми дѣйствіями, которыя общество можетъ выполнять черезъ

посредство своихъ должностныхъ лицъ. Общество можетъ и само приводить въ исполненіе свои собственныя постановленія и дѣйствительно приводитъ ихъ въ исполненіе, и если оно издастъ, напр., постановленія неправильныя, вмѣсто правильныхъ, или вообще какія либо постановленія по дѣламъ, въ которыя оно вовсе не должно было бы вмѣшиваться, то этимъ оно проявляетъ общественную тиранію, болѣе тяжкую, нежели всякія иныя политическія притѣсненія потому именно, что если она и не влечетъ за собой столь строгія кары, какими сопровождаются послѣднія, тѣмъ не менѣе, однако, предоставляетъ меньше средствъ къ выходу изъ затруднительнаго положенія, несравненно глубже вторгается въ мелкія обстоятельства жизни людей и закабаляетъ даже самую ихъ душу. Поэтому одной охраны отъ тираніи правительственныхъ лицъ еще недостаточно; необходима еще защита отъ тираніи господствующихъ мнѣній и симпатій, отъ склонности общества, не прибѣгая къ карательнымъ мѣрамъ, свои собственные мнѣнія или свой образъ дѣйствій насильно навязывать тѣмъ людямъ, которые держатся противоположныхъ взглядовъ, отъ склонности общества препятствовать развитію и, если возможно, даже пресѣкать въ самомъ зародышѣ проявленіе всякой индивидуальности, если она идетъ въ разрѣзъ со взглядами и поступками общества, и требовать, чтобы характеры людей вырабатывались согласно желательному для общества образцу. Существуютъ предѣлы, за которые законное вмѣшательство общественнаго мнѣнія въ личную независимость не должно переступать, и установить эти предѣлы и защищать ихъ отъ всякаго посягательства столь же необходимо для поддержанія обще-

ственного благополучія какъ необходима охрана общества отъ политическаго деспотизма. X

Хотя это утвержденіе едва ли можетъ быть вообще оспариваемо, тѣмъ не менѣе, однако, практическій вопросъ о томъ, гдѣ именно должны быть проведены упомянутыя границы—гдѣ именно провести надлежащую грань между свободою личности и общественнымъ контролемъ—является вопросомъ, къ разрѣшенію котораго почти еще вовсе не приступали. Всѣ тѣ условія, которыя дѣлаютъ жизнь наиболѣе цѣнной для человѣка, находятся въ прямой зависимости отъ ограниченія свободы дѣйствій окружающихъ людей. Поэтому должны быть установлены обязательныя для людей особыя жизненныя правила прежде всего черезъ посредство законодательства, а по нѣкоторымъ вопросамъ, которые нельзя подвести подъ законъ, при посредствѣ общественнаго мнѣнія. Въ чемъ именно должны заключаться эти правила, — это составляетъ главный вопросъ человѣческаго благополучія, вопросъ, разрѣшеніе котораго, однако, если исключить нѣкоторое весьма ограниченное число отдѣльныхъ случаевъ, всего меньше подвинулось впередъ на пути къ своему разрѣшенію. Едва ли можно указать хотя бы на два столѣтія или на двѣ страны, которыя рѣшали бы этотъ вопросъ въ одинаковомъ смыслѣ, и рѣшеніе, къ которому приходили въ какую либо эпоху и въ какой-либо странѣ, всегда возбуждало удивленіе въ послѣдующихъ эпохахъ и въ другихъ странахъ свѣта. Тѣмъ не менѣе, однако, люди извѣстной страны или извѣстнаго вѣка относятся къ этому вопросу такъ, какъ будто бы для его рѣшенія не представляется никакихъ затрудненій

и какъ будто разрѣшеніе его никогда не служило предметомъ разногласій во мнѣніяхъ людей.

Правила, которыя устанавливаются какой либо одной страной, кажутся людямъ этой страны какъ-бы не подлежащими никакому сомнѣнію или опроверженію по своей очевидности и цѣлесообразности. Эта, почти всеобщая, иллюзія, въ которую впадаетъ человѣчество, можетъ служить примѣромъ волшебной силы привычки, которая есть не только, какъ гласитъ пословица, вторая натура, но постоянно въ людскихъ понятіяхъ даже считается уже самою натурой. Вліяніе привычки при устраненіи какихъ-либо сомнѣній относительно нарушеній общепринятыхъ правилъ обнаруживается тѣмъ сильнѣе, что люди вообще не считаютъ нужнымъ въ данныхъ случаяхъ приводить въ оправданіе себя какія либо доказательства. Люди привыкли полагать и даже какъ-бы встрѣчаютъ подтвержденіе своихъ воззрѣній со стороны нѣкоторыхъ лицъ, мнящихъ себя философами, что при рѣшеніи подобнаго рода вопросовъ чувства играютъ болѣе важную роль, нежели указанія разума, и что эти указанія даже излишни. Практическимъ руководствомъ для установленія жизненныхъ правилъ у людей служитъ въ сущности желаніе, глубоко вкоренившееся въ умахъ людей, чтобы каждый человѣкъ былъ обязанъ поступать такъ, какъ поступаютъ они сами и какъ люди одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій, желали бы, чтобы онъ поступалъ въ жизни. Никто не сознаетъ, что мѣриломъ его сужденія служить его же собственное желаніе; тѣмъ не менѣе, однако, мнѣніе объ извѣстномъ образѣ дѣйствій, не подкрѣпленное разумными основаніями, есть въ сущности не болѣе какъ пристрастное личное мнѣніе, и если для подтвержденія его указы-